

Russian and Foreign History: Sources Источники по отечественной и зарубежной истории

DOI [10.31162/2618-9569-2018-11-3-469-499](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-3-469-499)

УДК 929+94(470.67)«1859»:355.486

ВАК 07.00.02

Письмо шейха Саййида Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газикумуки ад-Дагистани имаму Шамилю: неизвестная страница переговоров о мире на Гунибе в августе 1859 года

П. И. Тахнаева

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8830-5444>, ptakhnaeva@gmail.com

Аннотация: в июле-августе 1859 г. в результате успешной наступательной операции Кавказских войск имам Шамиль с небольшим отрядом приверженцев был вынужден укрыться на труднодоступной горе Гуниб, где вскоре, к 10 августа, был блокирован. 18 июля, с прибытием главнокомандующего кн. А. И. Барятинского, приступили к мирным переговорам с имамом Шамилем. Переговоры длились четыре дня. За это время, помимо ультиматума кн. Барятинского, на Гуниб были отправлены несколько писем с призывами к миру. Автором одного из посланий к имаму Шамилю, как выяснилось, был шейх Саййид Джамалуддин ал-Хусайни ал-Газикумуки ад-Дагистани. Указанный документ впервые вводится в научный оборот. Письмо приводится в оригинале (на арабском языке) и в переводе на русский язык.

Ключевые слова: Барятинский А. И.; Гуниб; Дагестан; Кавказская война (1859); мирные переговоры; Саййид Джамалуддин ал-Хусайни ал-Газикумуки; Шамиль, имам

Благодарности: автор признателен Владимиру Бобровникову, кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, за оказанную помощь в переводе с арабского языка письма шейха Саййида Джамалуддин ал-Хусайни ал-Газикумуки ад-Дагистани.

Для цитирования: Тахнаева П. И. Письмо шейха Саййида Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газикумуки ад-Дагистани имаму Шамилю: неизвестная страница переговоров о мире на Гунибе в августе 1859 года. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(3):469–499. DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-3-469-499](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-3-469-499).

Letter from Sheikh Sayyid Jamaluddin al-Husayni al-Ghazikumukhi al-Daghistani to Imam Shamil: a hitherto unknown page of the peace talks at Gunib in August 1859

Patimat I. Takhnaeva

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8830-5444>, ptakhnaeva@gmail.com

Abstract: in July-August 1859, as a result of the successful offensive operation of the Russian troops, Imam Shamil with a small detachment was forced to take refuge on the remote Mount of Ghunib, where soon, by August 10, was blocked by the Russians. On July 18, with the arrival of the commander-in-chief Prince A.I. Baryatinsky the peace talks with Imam Shamil commenced. The talks lasted for four days. During this time, in addition to the ultimatum by Prince Baryatinsky, several letters, which comprised the peace appeal were sent to Gunib. The author of one of the letters to Imam Shamil was Sheikh Sayyid Jamaluddin al-Husayni al-Ghazikumukhi al-Daghistani. This document is published here in Arabic, translated into Russian and commented upon.

Keywords: Baryatinsky Aleksandr Ivanovich, Prince; Daghestan; Ghazikumukhi al-, Sayyid, Jamaluddin, al-Husayni, al-Daghistani; Ghunib, Mount of; Shamil; War, Caucasian, peace talks of

Acknowledgements: The author is grateful to Dr Vladimir Bobrovnikov Senior Research Fellow at the Centre for the Study of Central Asia, the Caucasus and the Ural-Volga Region of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences for his assistance in translating from Arabic the letter by Sheikh Sayyid Jamaluddin al-Husayni al-Ghazikumukhi ad-Daghistani

For citation: Takhnaeva P. I. Letter from Sheikh Sayyid Jamaluddin al-Husayni al-Ghazikumukhi al-Daghistani to Imam Shamil: a hitherto unknown page of the peace talks at Gunib in August 1859. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(3):469–499. (In Russ.) DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-3-469-499](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-3-469-499).

Наступление на Дагестан, июль 1859 г.

План предстоящей в 1859 г. летней наступательной операции в Дагестане, «большой экспедиции под личным предводительством главнокомандующего», был окончательно утвержден Главным штабом армии 6 мая 1859 г. «Согласно этому плану, наступление на Дагестан предполагалось вести одновременно тремя отрядами: главным Чеченским (под командованием гр. Н. И. Евдокимова – из Ичкерии, через Андийский перевал на Анди и Технуцал), Дагестанским (под командованием ген.-ад. барона А. Е. Врангеля – из Салатавии на Гумбет) и Лезгинским (под командованием ген.-м. кн. Л. И. Меликова – через Богосский хребет в Верхний Дагестан). В общей сложности силы всех трех отрядов состав-

ляли 40 батальонов, 7 эскадрон драгун, 39 сотен милиции при 44 орудиях» [1, с. 324–325]. Главнокомандующий Кавказской армией ген.-адъют. кн. А. И. Барятинский присоединился к Чеченскому отряду с 14 июля¹ [1, с. 324–325; 2, с. 442]. Наступление началось 17 июля 1859 г.

Первым вступил во Внутренний Дагестан, в Аварию, Дагестанский отряд под командованием ген.-адъютанта бар. Врангеля. Отряд по приказу выступил из Салатавии в первых числах июля, перешел Гумбетовский перевал (Мичикал) и, 18 июля, неожиданно для обеих сторон захватив стратегический мост Сагри («Сагъри кьо»), вышел на правый берег Андийского Койсу. Таким образом, была прервана линия обороны имама Шамиля по левому берегу Андийского Койсу. О необратимых последствиях потери переправы у Сагри известные современники и участники описываемых событий, Гаджи-Али и Абдурахман из Газикумуха писали: «Все окрестные общества после переправы пришли с покорностью к барону Врангелю» [3, с. 61], «барон Врангель со своим войском переправился через реку Игали (Андийское Койсу) по мосту Сагри и направился в сторону Аварии. Ему навстречу вышло население Унцукуля, Игали и других селений с изъявлением покорности» [4, с. 161]. Гаджи-Али находил сложившееся положение катастрофическим и сравнивал его со смертельной раной: «В это время Дагестан сделался, как вдоль разрезанное брюхо, в котором показались все кишки и внутренности» [3, с. 61]. Имам Шамиль был вынужден покинуть свое укрепление Ичичали на левом берегу Андийского Койсу. Тогда же, после взятия стратегической переправы, в очередном отношении военному министру от 27 июля главнокомандующий кн. Барятинский с удовлетворением констатировал: «Маневр этот послужил общим сигналом покорности всей страны. Один за другими Авария, Койсубу, Анди и самые дальние общества, наконец, Чирката и укрепленный Уллу-кале на перерыв спешили высылать своих депутатов»².

В то же время, к 27 июля, как писал начальник Главного штаба Кавказских войск ген.-адъют. граф Д. А. Милютин, главнокомандующий еще не знал «сведений о самом Шамиле, где он и что предпримет» [1, с. 355]. Лишь к 3 августа 1859 г. главнокомандующий располагал точной информацией о местонахождении имама Шамиля – имам на Гунибе [1, с. 358]. По местным источникам, имам Шамиль поднялся на Гуниб в ночь с 29 на 30 июля, на пятый день после выхода из укрепления Ичичали, по маршруту Килатль – Конхидатль – Карата – Ассаб – Гидатль – Борешт-тляр (возле Телетля) – Бук-Мухамадиль Кула (Бецц-ор, Карах) – Ругуджа – Гуниб.

Начальник Главного штаба Кавказских войск ген.-адъют. граф Д. А. Милютин писал, что «только по получении этих важных сведений... решен

¹ АКАК. Т. 12. С. 1150; Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции полк. Ген. штаба Романовского. СПб.; 1860. С. 442; *ОПРГБ*. Ф. 169. Карг. 13. Ед. хр. 3. Л. 91 об – 106 об.

² Отношение ген.-адъют. кн. Барятинского военному министру ген.-адъют. Сухозанету от 27 июля 1859 г. В: АКАК. 1904. Т. 12. С. 1161.

был план дальнейшего движения», в частности, Дагестанскому отряду под командованием ген.-адъют. барона А. Е. Врангеля было приказано «быстро двинуться в Андалал и обложить Гуниб, что бы не выпустить Шамиля из последнего его убежища» [1, с. 360]. Сам главнокомандующий решил присоединиться к Дагестанскому отряду, чтобы лично завершить кампанию. Чеченский отряд был оставлен у Ботлиха (частью – у с. Конхидатль) для возведения укрепления «Преображенское» и моста через Андийское Койсу. Командующему Чеченским отрядом, ген. гр. Евдокимову, главнокомандующий предложил сопровождать его в предстоящем пути, по праву считая последнего автором победы при взятии столицы имамата Ведено (апрель, 1859 г.).

Блокада Гуниба, 10 августа 1859 г.

Дагестанский отряд вышел к Гунибу 6 августа и, по мере поступления остальных войск, завершил его окончательную блокаду, сомкнув кольцо к 10 августа. Общее число блокирующих войск достигало до 16 000 человек [5, с. 1055]. Главнокомандующий Кавказской армией ген.-адъют. кн. А. И. Барятинский писал военному министру ген.-адъют. Н. О. Сухозанету: «10 числа 10 батальонов пехоты и 7 сотен туземной конницы учредили по всей окружности Гуниба до 50 верст, по возможности, строгую блокаду, а 6 батальонов, Северский драгунский полк, 6 сотен туземной конницы, при 14 орудиях расположены в Кегере у Гуниба и составили общий резерв»³. Сам главнокомандующий прибыл на Кегерское плато, главную квартиру Дагестанского отряда, 18 августа. Здесь, на возвышенности, противоположной Гунибу, была разбита ставка главнокомандующего.

Еще до прибытия главнокомандующего в лагерь барон Врангель безуспешно пытался вызвать имама Шамиля на переговоры о мире. Участник событий, помощник начальника штаба, Н. А. Волконский с нескрываемой досадой писал: «Неоднократно мы посылали к нему парламентаров, но старый, упрямый имам и слышать не хотел ни о каких переговорах» [6, с. 399–400]. На все предложения о переговорах имам Шамиль отвечал отказом. Мухаммад Тахир аль-Карахи передавал об одной из таких попыток: «Начальник русских барон призвал к себе слепого Мухаммеда Эфенди ал-Хуми... Мухаммеда Тахира ал-Карахи его ученика Хаджиява ал-Карахи и послал их к имаму для переговоров о мире. Когда они достигли крепости Гуниб, то имам не разрешил войти во внутрь крепости никому, кроме тех, кто останется жить у него» [7, с. 248]. Мухаммад Тахир аль-Карахи писал о себе в третьем лице: «Эфенди и Мухаммед Тахир вернулись обратно, а Хаджияв вошел в крепость и остался у Шамиля» [7, с. 248].

³ Всеподданнейшие донесения Главнокомандующего Кавказскою армией о военных действиях в Нагорном Дагестане в 1859 г. и пленении Шамиля. В: *РГВИА.* Ф. 846. Оп. 16. Д. 6696. Л. 27 (об).

Начало переговоров, 15 августа 1859 г.

По Д. А. Милютину, очередная попытка завязать переговоры, предпринятая бароном Врангелем, увенчалась успехом лишь 14 августа: «Первые сношения начались 15-го августа чрез полковника милиции Али-хана» [1, с. 381]. Н. А. Волконский подтверждал: «Наконец... 14 августа *он изъявил желание* начать с нами переговоры», которые начались «при посредничестве полковника нашей службы Алихана» [6, с. 399–400]. По воспоминаниям Дибера Инквачилава, в тот день «имаму дали знать, что со стороны Хоточа подъехал полковник Алихан и вызывает меня для переговоров», «имам велел отправиться» [8, с. 315]. По всей видимости, в тот же день состоялась первая встреча переговорщиков, которую со стороны имама представлял сам Инквачилав и доверенное лицо имама, его двоюродный брат Ибрагим. Полковник Алихан объявил, что «прислан главнокомандующим князем Барятинским» с целью объявить имаму Шамилю: «Гуниб окружен теперь большими силами русских, борьба с которыми может повести только к напрасной гибели горсти людей, укрывшихся на этой горе» [8, с. 315]. Алихан также сообщил, что в случае разрешения вопроса «без кровопролития» главнокомандующий обещает «не только полную неприкосновенность всех, начиная с Шамиля и его семьи, но даже средства и содействие, если бы они пожелали отправиться в Турцию» [8, с. 315]. Прощаясь, стороны были предельно корректны. Алихан: «Несколько сот людей не в силах изменить судьбу Дагестана, а *потому благоразумие требует подчиниться предлагаемым условиям*, пока есть время». Газимухаммад: «Слышанное мы передадим имаму, который и пришлет ответ, если найдет это нужным». Этим закончился весь разговор, и Али-Хан уехал [8, с. 315].

Если доверять этому рассказу, прошедшие 15 августа переговоры примечательны тем, что *имаму впервые от имени главнокомандующего были объявлены условия* в случае заключения мирного соглашения [8, с. 315]. Все же, если допустить, что содержание этих переговоров действительно соответствовало рассказу Инквачилава, надо заметить, что условия, якобы предложенные главнокомандующим, отчасти отвечали надеждам имама. По воспоминаниям Гаджи-Али, в первый день прибытия на Гуниб имам сказал ему: «Если бы я доверял русским, *то непременно теперь помирился бы с ними*, чтобы они дозволили мне уехать в Мекку» [3, с. 65]. Правда, другие авторы, ни Абдурахман, ни Инквачилав об этих настроениях имама не пишут. Но тот же Гаджи-Али вспоминал, что подобная ситуация «предложение о мире» – «встречное требование выпустить в Мекку» уже случалась, с имамом Газимухаммадом. Гаджи-Али писал: «В 1249 г.х. (1832 г.) барон Розен предпринял экспедицию в Гимры и послал к Кази-Мухаммеду через Казикумухского Аслан-хана послов: тифлисского Сосия-бека, нухинского Али-Джан-бека и отца моего – чохского Абдул-Малека *со словесными предложениями и письмами о мире*» [3, с. 12]. Имам Газимухаммад, ознакомившись с их содержанием, «после двухдневных совещаний с находившимся в то время в Гимрах Гамзат-беком, написал в ответ следующее: "Что

касается до того, чтобы прекратить неприязненные действия и заключить мир, то это дело далекое. *Мы только просим у вас пропустить одну тысячу конницы в Мекку. Это будет мир*". Барон Розен, прочитавши ответ Кази-Мухаммеда и увидевши его уклончивость, двинулся против него из Чечни и осадил его в Гимрах» [3, с. 12].

По русским источникам, эта история действительно имела место, только двумя годами ранее, чем указал Гаджи-Али. В «Отношении главнокомандующего Отдельным кавказским корпусом гр. И. Ф. Паскевича управляющему Главным штабом гр. А. И. Чернышеву от 7 мая 1830 г.» излагалась неожиданная (для командования) просьба Газимухаммада о хадже: «Сам Кози-мулла... просил об исходатайствовании ему у меня свободного проезда в турецкие пределы, для следования оттуда в Мекку, на что майор Корганов с разрешения моего объявил ему согласие... Майор Корганов отправил к Кази-мулле несколько преданных нам лиц с предложением прибыть к нему для свидания и переговоров. Посланные возвратились с ответом, что он соглашается на свидание с тем, чтобы для безопасности его выданы были аманаты, равно как и на то, чтобы потом отправиться в Мекку, коль скоро ему дадут знать, с каким числом людей он может пуститься в путь»⁴. Однако переговоры о предстоящем хадже, несмотря на безусловную готовность командования идти навстречу намерениям Газимухаммада, закончились ничем, оставив у первых впечатление, что это обращение было не чем иным, как частью его маневров.

Возможно, имам Шамиль знал и помнил об этом случае? По Абдурахману, имам на Гунибе вспоминал неудачные переговоры на Ахульго, в 1839-м, когда на предложение ген. Граббе о перемирии он выдвигал встречное условие, чтобы русские войска ушли, «предоставив [нам] возможность отправиться в хадж...» [9, с. 74]. Замечу, по известным официальным русским источникам, этот эпизод на Ахульго не прослеживается.

Гаджи-Али оставил свой рассказ о том, как было положено начало переговорам «кн. Барятинский – имам Шамиль». Примечательна фраза, с которой он начинает его: «Главномкомандующий приказал барону Врангелю послать к Шамилю благонадежного человека для мирных переговоров». Переговоры с имамом были начаты по приказу главнокомандующего. «Благонадежным человеком» оказался полк. Алихан Аварский, который «приблизился со стороны Хоточа к Гунибу и закричал: «Эй! Подойдите для мирных переговоров! Главномкомандующий очень милостив и сожалеет о ваших женах и детях, боясь, чтобы они не попали под ноги солдат. Вы будете после раскаиваться, но это не принесет вам пользы!» Шамиль приказал ответить, что он завтра вышлет своего сына Кази-Мухаммада, и «чтобы Алихан завтра приехал с Лазаревым и Даниель-султаном к большому завалу, что у входа на Гуниб» [3, с. 66]. Даниял-султан

⁴ Отношение главнокомандующего Отдельным кавказским корпусом гр. И. Ф. Паскевича управляющему Главным штабом гр. А. И. Чернышеву от 7 мая 1830 г. В: РГВИА. № 6241. Л. 18–19 (об).

прибыл к Гунибу вместе с кн. Барятинским 18 августа. Главнокомандующий к тому времени уже был подробно информирован о текущем положении дел, и Даниял-султан находился в его отряде не случайно. Он примкнул к нему «вследствие требования барона Врангеля, 17 августа» [6, с. 402].

Кн. Барятинский прибывает в лагерь на Кегерских высотах 18 августа. К тому времени он уже определился по вопросу о предстоящих переговорах, находя, по Милютину, «желательным покончить с Шамилем *мирным соглашением*, хотя бы на самых льготных для него условиях» [1, с. 381].

Начало переговоров, 19 августа 1859 г.

За три дня до переговоров полковник Алихан получил записку от имама следующего содержания: «К Алихану. Мир с вами. После того, уведомляю тебя, что в этих переговорах необходимо должен участвовать Даниель-султан; поэтому нужно вытребовать его сюда. Предводитель богомольцев Шамиль» [6, с. 400–402]. Д. А. Милютин подтверждает, что «16 числа Шамиль дал знать, что согласен вести переговоры при посредстве Даниель-бека» [1, с. 381].

Главнокомандующий кн. А. И. Барятинский, «облеченный достаточными полномочиями, чтобы прямо вступить в переговоры с Шамилем» [1, с. 381], открыл переговоры с имамом на следующий день по прибытии на Кегерские высоты, 19 августа 1859 г. Ему хорошо было известно о том, что император Александр II и официальный Петербург давно заинтересованы в скорейшем окончании войны путем заключения мирного соглашения с имамом. Одна из первых попыток установления мирных соглашений с имамом Шамилем была предпринята Петербургом четыре года назад, еще в 1855 г. Она была вызвана Восточной (Крымской) войной, которая к тому времени находилась в полном разгаре и поглощала большую часть военных сил русской армии. Вместе с тем борьба с имамом Шамилем и необходимость охранять военные линии, охватывавшие территории Чечни и Дагестана, отвлекали силы Кавказской армии, которые могли быть противопоставлены турецкой армии в Малой Азии. Безрезультатное обсуждение вопроса о возможном завершении войны в Чечне и Дагестане *мирным соглашением* с имамом продолжалось в Петербурге до середины в 1856 г. К тому времени, в марте 1856 г., Восточная война (1853–1856) завершилась подписанием Парижского трактата. И когда военные силы, сосредоточенные на турецко-азиатской границе, освободились, возникла закономерная мысль об использовании их для «нанесения решительного удара по Шамилю».

Тогда же, в августе 1856 г., кн. А. И. Барятинский был назначен командующим Кавказской армией и исправляющим должность наместника Кавказа. С его приездом на Кавказ приступили к реализации составленного им плана военных действий, согласно которому решено было нанести «решительный удар владычеству Шамиля в горах». Таким образом, начатые мирные переговоры, точнее, попытки переговоров с имамом – осторожно предпринятые через сына имама, Джамалуддина, отступили на задний план [10, с. 275]. По всей видимости, они

изначально были обречены на неуспех. В сентябре 1856 г. Джамалуддин писал бар. Л. П. Николаи, командиру Кабардинского полка и начальнику Кумыкской плоскости: «Дело вот в чем: *отец никаким образом не склоняется к миру*»; он говорит: «Что несколько раз его обманули русские и теперь сделают то же. Но *если султан Абдул-Меджид заключил мир и предложит нам сделать то же, тогда я не вправе буду отказаться от этого; ибо турецкий султан есть глава магометан и желание его есть свято для каждого бусурманина*» [10, с. 275].

С начала 1859 г. в Петербурге вновь стали обсуждать вопрос о завершении войны мирным соглашением с имамом Шамилем. На скорое окончание войны «силой оружия» Петербург не надеялся, и дальнейшее финансирование Кавказской войны находил крайне разорительным для государственной казны. Даже после того, как была взята столица имамата, Ведено (1 апреля 1859 г.), в Петербурге не «услышали» кн. Барятинского, который в письме от 7 апреля уже уверенно писал императору о предстоящем и скором военном успехе [10, с. 206]. Взятие Ведено произвело в Петербурге впечатление, однако вместе с тем привело императора Александра II к неожиданному заключению. В письме от 20 апреля 1859 г. он писал кн. Барятинскому: «Может быть, имеет начать секретные переговоры с Шамилем, чтобы выяснить, расположен ли он *к полному подчинению, обещая ему прощение за все прошлые преступления и гарантируя ему независимое обеспеченное существование, но, естественно, вдали от Кавказа*» [11, с. 207]. Последствия подобного «замирения Кавказа» император находил «колоссальными» и пояснял: «Сокращая число Ваших войск, мы сможем держать их на наших западных границах, где они нужны более чем когда-нибудь, учитывая состояние политических дел по всей Европе» [11, с. 207]. На это письмо кн. Барятинский отвечал, что подобные предположения «об окончании дела на Кавказе *посредством амнистий и миролюбивых соглашений*» несбыточны: «Даже золотой мост, если бы Шамиль решился чрез него перейти, открыл бы нам путь лишь *к весьма сомнительному примирению*: потребовалось бы в течение трех-четырех лет еще много войск, денег и трудов, потому что без стычек с вооруженным населением при проведении дорог, учреждений администраций и порядка, не обойдется» [11, с. 207]. Кн. Барятинский настаивал: «Нужно сломить силою оружия сопротивление; нужно, *чтобы предводители горцев не подкупом, а невозможностью дальнейшей борьбы вынуждены были просить пощады, изъявить покорность, сдаться на волю победителя*» [11, с. 207]. В письме кн. Барятинского от 4 мая 1859 г. к министру иностранных дел кн. Горчакову звучит протест главнокомандующего против активно навязываемых ему дипломатических методов разрешения Кавказской войны: «*Простое дружеское соглашение с Шамилем, даже если бы и состоялось, хотя и могло бы продвинуть многие наши дела, но было бы далеко еще не окончательным разрешением*» [11, с. 270]. Тем не менее в Петербурге были склонны решить окончание войны «дипломатическим путем» и считали «чрезвычайным событием» начать с имамом Шамилем переговоры о мире. На эту тему определенно высказывались

император Александр II, министр иностранных дел канцлер кн. А. М. Горчаков, военный министр ген.-ад. Н. О. Сухозанет.

«Миролюбивость» официального Петербурга была вызвана «осложнением политического небосклона» на Западе и предполагаемым в 1859 г. началом «общей Европейской войны, с неизбежным участием России» [11, с. 209]. Д. А. Милютин пояснял: «Наше правительство вошло тогда в соглашение с Наполеоном III по поводу его вмешательства в дела Италии, обязавшись выставить на границе с Австрией четыре корпуса. В Петербурге были очень озабочены опасением, что мы могли быть втянуты в войну» [1, с. 330]. Усиление российских войск на западной границе предполагало единственное решение – вывод войск с Кавказа числом до 300 тыс. человек [1, с. 331].

Еще в начале марта, как писал Д. А. Милютин, в военном министерстве было «много противников Кавказа» (противников продолжения войны на Кавказе. – *Прим. П. Т.*), которые «всякое действие князя Барятинского или осмеивали» или «вызывали упреки, что Кавказ разоряет Россию» [1, с. 327]. С целью убедить Петербург в необходимости продолжить военную кампанию в начале июня 1859 г. кн. Барятинский, с разрешения императора, выехал в столицу, где он был им очень тепло принят [11, с. 208]. На состоявшихся четырех «положительных» докладах, 4, 5 июня и 15, 16 июня, главнокомандующему удалось убедить императора в необходимости продолжить в 1859 г. военную кампанию, столь успешно им начатую, но, по мнению скептически настроенного военного министерства, «не имеющую перспективы» [11, с. 209]. В письме от 16 июня кн. А. И. Барятинский писал Д. А. Милютину: «Успех полный. Поездка оказалась совершенно необходимою» [1, с. 331]. Успех заключался в «несравненных войсках и средствах, которые Государь император предоставил в мое распоряжение до исхода 1861 года» [6, с. 387].

Казалось, отныне каким-либо дипломатическим попыткам разрешения войны «миролюбивыми соглашениями» уже не могло быть места. Тем не менее вопрос о мирных переговорах с имамом Шамилем в Петербурге неожиданно был поднят в конце июля 1859 г. Российский посол в Константинополе кн. А. Б. Лобанов-Ростовский 23 июля 1859 г. телеграфировал министру иностранных дел кн. А. М. Горчакову о том, что некий «поверенный Шамиля, присланный просить помощи у султана, обратился к послу с вопросом: не будет ли согласно наше правительство на примирение с имамом и на каких условиях?.. Означенный горец желает получить пропускной вид через Тифлис, для доставления Шамилю ответа» [1, с. 381]. О «поверенном Шамиля», отправленном имамом Шамилем к турецкому султану весной 1859 г., с архивной ссылкой на сообщения британского атташе из Константинополя современный кавказовед М. Гаммер писал: «После падения Дарго Шамиль послал в Стамбул агента и просил сообщить ему, предвидит ли Блистательная Порты войну с Россией в обозримом будущем, скажем, через несколько лет, которая позволит облегчить его положение и даст надежду на получение и оказание

помощи, ибо в противном случае он вынужден положить конец кровопролитной войне» [12, с. 380–381]. Любопытно, что письмо имама к султану с предупреждением «положить конец кровопролитной войне», отправленное им в апреле 1859 г. (после падения Дарго), по времени совпадало с письмом императора от 20 апреля 1859 г. к кн. Барятинскому, в котором он предполагал «начать секретные переговоры с Шамилем, чтобы выяснить, расположен ли он к полному подчинению» [11, с. 207].

По всей видимости, предполагаемая встреча агента имама Шамиля с властью Порты не состоялась, либо, что вероятнее всего, ему порекомендовали обратиться к российским властям. В апреле 1859 г. из Петербурга кн. Лобанов-Ростовскому был дан ответ, что «по высочайшему повелению», он может выдать «Шамилеву агенту» пропуск в Тифлис, но об «условиях примирения» предложено обратиться непосредственно к кн. Барятинскому, поскольку «наместник Кавказский облечен достаточными полномочиями, чтобы прямо вступить в переговоры с Шамилем» [11, с. 381]. Кн. Барятинского информировали об этом министр иностранных дел кн. А. М. Горчаков, военный министр Н. О. Сухозанет (в письмах от 26 и 29 июля) и сам император. Александр II в письме от 28 июля 1859 г. сообщал князю об «очень важной новости, пришедшей из Константинополя»: «Агент Шамиля явился в наше посольство, наделенный, как он утверждает, всеми полномочиями, чтобы начать с нами переговоры. Я приказал отправить его к Вам прямо в Тифлис. Полностью полагаюсь на Вас и надеюсь, что Вы сумеете выяснить, можем ли мы действительно договориться с этим агентом» [13, с. 266]. По Д. А. Милютину, в письме «государя высказывалось, что примирение с Шамилем было бы самым блестящим завершением оказанных уже кн. Барятинским великих заслуг» [1, с. 382].

Военный министр в своем письме настойчиво предлагал кн. Барятинскому решить вопрос мирными переговорами – «благодетельными плодами примирения» вместо «славных военных подвигов» [11, с. 269]. В свою очередь, министр иностранных дел кн. Горчаков обращался к главнокомандующему серьезно подойти к вопросу о переговорах с «шамилевым агентом», полагая, что заключение мира с Шамилем очень важно не только для стабилизации ситуации в стране, но и для укрепления положения России в европейской политике. Канцлер подчеркивал в письме политическую значимость ситуации и историческую роль князя: «Если бы вы дали мир на Кавказе, Россия приобрела бы сразу одним этим обстоятельством в десять раз больше веса в совещаниях Европы, достигнув этого без жертв кровью и деньгами. Во всех отношениях этот момент чрезвычайно важен для нас, дорогой князь. Никто не призван оказать России большую услугу, как та, которая представляется теперь вам...» [11, с. 268]. Таким образом, в конце июля 1859 г. на варианте мирного разрешения настаивали император Александр II, канцлер и военный министр.

Письма из Петербурга несколько озадачили кн. Барятинского, если не раздосадовали: «То, что посол в Константинополе принял серьезно... заявление

Шамилева посланца, это еще извинительно; но непонятно, *как министры и сам государь могли придать значение примирению с имамом в то время, когда он, покинутый почти всеми своими приверженцами, укрылся в последнем своем притоне...*» [1, с. 382]. К тому времени, началу августа, когда кн. Барятинский получил эти письма, он был уверен в том, что «роль имама была уже сыграна, оставалось ему одно из двух: или положить оружие добровольно, или предоставить решение своей участи последнему, кровавому бою. Единственным предметом переговоров могли быть теперь условия сдачи Гуниба» [1, с. 382].

Письмо с извещением об «агенте имама», который последовал из Константинополя обратно, в Дагестан, было отправлено императором кн. Барятинскому из Петергофа и датировано 28 июля – тем днем, когда отступающий имам Шамиль совершил свой последний бросок и поднялся на Гуниб. Кн. Барятинский получил от императора еще одно письмо, датированное 10 августа, в котором тот, уже по получении известия о переходе Андийского Койсу и вступления в Аварию, писал: «Что до Шамиля, то я с нетерпением ожидаю от Вас новостей о нем... Персонаж, выдававший себя за агента Шамиля в Константинополе, должен вскоре прибыть к Вам, и Вы сможете проверить на месте правдивость его утверждений. Впрочем, *все это дело во многом теряет свою значимость в свете последних событий*» [13, с. 267]. Император уже не скрывал, что «в свете последних событий» он *потерял интерес к мирным переговорам с имамом*. Тем не менее кн. Барятинский, прибыв 18 августа на Кегерское плато, приступает к ним, которые позже кн. Волконский в своих воспоминаниях назовет «проволочкой», поясняя: «К некоторой проволочке побуждало князя еще и то обстоятельство, что *наше посольство в Константинополе отправило к нему какого то горца, посланного туда Шамилем для переговоров с Портою*. Горец этот ожидался со дня на день. Вероятно, и Шамиль тянул время, рассчитывая на заступничество или содействие Порты, предполагая, что посланный им горец привезет ему что либо решительное» [6, с. 401]. Однако кн. И. А. Барятинский, в отличие от имама, горца не ждал. По Д. А. Милютину, для него было совершенно очевидным, что «роль имама уже была сыграна, оставалось ему одно из двух: или положить оружие добровольно, или предоставить решение своей участи последнему, кровавому бою» [1, с. 382]. Главнокомандующий надеялся разрешить эту дилемму без кровопролития.

По приказанию главнокомандующего, на другой же день по его прибытии на Кегерские высоты, 19 августа, Даниял-султан отправился вместе с полковником Лазаревым на передовой пост, откуда была отправлена в Гуниб записка с предложением выслать его сына Газимухаммада для ведения переговоров [1, с. 382]. В тот же день, 19 августа, Газимухаммад выехал на встречу к гунибским садам в сопровождении небольшой свиты и «толпы отборных мюридов с четырьмя значками» [1, с. 382]. 19 августа, по местным источникам, Гаджи-Али, Абдурахман, Инквачил Дибир (все трое позже напишут воспоминания об этих событиях) и несколько мюридов сопровождали Газимухаммада на встречу

к прибывшим парламентарам – полковнику Лазареву и Даниял-султану. Напомню, это первая встреча, на которой представители *сторон впервые говорили от имени имама и главнокомандующего.*

Абдурахман, участник той встречи, написал о прошедших переговорах очень коротко: «Имам отправил к ним своего сына Газимухаммада и наиба Дибира Аварского с мюридами. *Через них было передано, что имам пойдет на перемирие с русскими, если они отпустят его в Мекку (букв.: освободят дорогу) вместе с семьей и некоторыми мюридами.* В противном случае между ними ничего нет, кроме войны» [4, с. 167]. Таким образом, по Абдурахману, основное условие для заключения перемирия впервые было предложено имамом. В другом своем сочинении Абдурахман также подчеркивал, какие условия выдвигал имам Шамиль: «*Шамиль ответил им, что перемирие между ними состоится при условии, что ему будет предоставлена возможность совершить хадж вместе с семьей и соратниками (асхабами).*» А если им будет отказано в этом намерении, то «*между ними не может быть ничего иного, кроме войны*» [9, с. 73–74]. Другой участник переговоров, Инквачил Дибир, вспоминая об этой встрече, утверждал, что на ней были озвучены условия перемирия, высказанные ему на предыдущих переговорах: «*Лазарев и его спутник... развили нам те же доводы, которые ранее были высказаны Али Ханом относительно необходимости мирного соглашения... Они так же подтвердили, что всем желающим будет разрешено поехать в Мекку или переселиться в Турцию.* Гази Магома ответил на все это, что его дело – только передать услышанное имаму. Затем мы расстались» [8, с. 318].

Воспоминания Гаджи-Али, третьего участника этой встречи, дают противоречивую картину. Не совсем понятно, полковник Лазарев то ли соглашается с теми условиями, которые только что услышал от сына имама, или передает их, но уже от имени главнокомандующего? Гаджи-Али писал: «*Полковник Лазарев сказал: "Мы собрались сюда для того, чтобы... оставить вражду и заключить мир; успокоить Шамиля, его семейство и приближенных, где захотят; а если Шамиль пожелает отправиться в Мекку, то он будет отпущен с большими подарками от Императора". Долго продолжались переговоры*» [3, с. 67]. Далее Гаджи-Али пишет: «*После этих слов Лазарев возвратился, передав нам сказать Шамилю следующие условия мира: если угодно будет Шамилю отправиться в Мекку, то он может взять с собою кого пожелает; его проводят до границы Турции, дадут конвой и лошадей под съезд, и наконец, дадут ему какие-нибудь подарки. Если же он не захочет ехать в Мекку, то может выбрать место в Дагестане, где пожелает, только не на Гунибе, и там поселиться; остальных же его спутников поселят и успокоят там, где последние пожелают*» [3, с. 67].

Так что же произошло на переговорах 19 августа? Имам Шамиль через своего сына Газимухаммада передал парламентарам главнокомандующего, на каких условиях он готов пойти на перемирие с русскими – если его с единомышленниками беспрепятственно выпустят с горы, «в хадж». По местным источникам, вернувшись на Гуниб, участники переговоров передали имаму

Шамилю основное содержание встречи: по Гаджи-Али, русские призывали «оставить вражду и заключить мир», по Абдурахману, велись «переговоры относительно перемирия», по Инквачилаву, – «о необходимости мирного соглашения». Самое важное, на этой встрече впервые были обозначены требования, *выдвинутые имамом*, которые на следующий день, 20 августа, будут включены в условия ультиматума главнокомандующего – «возможность совершить хаджж вместе с семьей и соратниками». Абдурахман писал: «Шамиль ответил... что *перемирие между ними состоится при условии*, что ему будет предоставлена возможность совершить хаджж вместе с семьей и соратниками (асхабами). А если им будет отказано в этом намерении, то между ними не может быть ничего иного, кроме войны» [9, с. 73].

Воспоминания Инквачилава прежде всего интересны тем, что он передал те настроения, противоречивые, полные сомнений, – как имама, так и его окружения, которые воцарились на Гунибе после переговоров 19 августа: «На следующий день, созвав к себе на совет около 10 человек, наиболее известных и почитаемых, Шамиль обрисовал нам в нескольких словах наше положение и предложил затем вопрос, что предпринять, на что решиться?». Мнения разделились. Одна группа, «выставляя на вид нашу малочисленность и переход на сторону русских почти всех, на ком держался шариат... начала намекать на то, что мирный выход из настоящего затруднения едва ли не будет отвечать настроению большинства». Другая группа, «и таких было больше», отмечает автор, настаивала на том, «что нельзя положиться на русские обещания». Имам Шамиль «только слушал и не сказал ни слова о своем намерении» [8, с. 318]. Но совершенно очевидно, что на Гунибе воцарилось тревожное ожидание.

Любопытна запись, которую внес в свой дневник от 19 августа корнет гр. А. В. Орлов-Давыдов, состоящий при главнокомандующем для особых поручений: «19-го. Переговоры с Шамилем начались, посредством Даниель-Султана и полковника Л-ва. В нашем лагере идут большие толки и пари: сдастся ли Шамиль, или будет штурм» [5, с. 1056]. Любопытно и другое. Даниял-султан, без которого имам Шамиль отказывался приступать к переговорам, не упоминается ни у одного из авторов воспоминаний, участников той встречи. Сам Даниял-султан в 1861 г. напишет о своем участии на тех переговорах коротко и несколько отстраненно: «Шамиль, укрепившись в Гунибе со своими сыновьями и приверженцами, кажется, твердо было решил не сдаваться живым в руки русских; не смотря однако же на это, великодушный князь Бярятинский *предложил ему сдаться, спасти тем себя, свое семейство*, своих приверженцев. *С предложением этим, в числе прочих, я был послан Главнокомандующим к Шамилю в Гуниб*. Шамиль, не поверив обещанию Главнокомандующего... решил было защищаться до последней крайности; но через десять дней Гуниб пал... *И Шамиль был взят военнопленным*» [14].

По русским источникам о прошедших переговорах в целом складывалась оптимистичная картина, казалось, предварительная некая договоренность

между сторонами была достигнута. И хотя «Шамиль не торопился давать ответы», на переговорах имам Шамиль через уполномоченных сообщил, что 1) «готов пойти на перемирие», 2) «при условии, что ему будет предоставлена возможность совершить хаджж вместе с семьей и соратниками», 3) «если им будет отказано в этом намерении, то между ними не может быть ничего иного, кроме войны». Главнокомандующий готов рассмотреть предложения имама.

Но, по Лазареву, якобы существовало еще одно важное условие имама, которое было озвучено на встрече сторон 19 августа: имам не желает отправляться Турцию «без ведома султана», он просит главнокомандующего дать ему «возможность отправить гонца в Константинополь за разрешением турецкого султана, и чтобы до получения ответа русские ничего не предпринимали против Гуниба» [15, с. 126]. Но начальник штаба главнокомандующего Д. А. Милютин о новом условии не знает. О результатах прошедших переговоров он писал: «Уполномоченный имама выказывал сговорчивость; *шла речь только о безопасном выпуске из Гуниба всех засевших в этом притоне*; но Шамиль не торопился давать ответы» [1, с. 382]. Н. А. Волконский также был краток и также ни слова о новом условии имама: «Во время переговоров сын Шамиля склонился к тому, чтобы их всех живыми и здоровыми выпустили с Гуниба. Согласно этому, князь Барятинский, 19-го же числа подписал ему ультиматум и приказал Даниельбеку отправить по назначению» [6, с. 402]. По всей видимости, на переговорах об этом условии действительно не было сказано, о нем на Кегерских высотах станет известно чуть позже. На другой день Даниял-султан в своем сопроводительном письме, которое он приложил к ультиматуму главнокомандующего, писал: «Он исполнит то, что вам написал в бумаге *о спокойствии вашем, дорожных издержках и отправлении в Мекку. Вы направили нас сюда с тем, чтобы прислать известие о вашем проезде*». «Известие о проезде» было заключено в ультиматуме главнокомандующего, отправленном на Гуниб 20 августа.

Ультиматум, 20 августа 1859 г.

На следующий день после переговоров, 20 августа, по Д. А. Милютину, имаму Шамилю было отправлено «решительное объявление от имени самого главнокомандующего». Текст послания начинался словами: «Вся Чечня и Дагестан ныне покорились Державе Российского Императора, и только один Шамиль лично упорствует в сопротивлении великому Государю. Чтобы избежать нового пролития крови, для окончательного водворения в целом крае спокойствия и благоденствия, *я требую, чтобы Шамиль неотлагательно положил оружие...*» [1, с. 382–383]. Далее, «именем государя, обещалось полное прощение всем находившимся в Гунибе, дозволение самому Шамилю с его семьей ехать в Мекку, обеспечение ему средств, как на путешествие, так и на содержание. Срок для решительного ответа назначен до вечера того же дня; если ж Шамиль до того времени «не воспользуется великодушным решением

Императора Всероссийского, то все бедственные последствия его личного упорства падут на его голову и лишат его навсегда объявленных ему милостей» [1, с. 383]. По Н. А. Волконскому, письмо-ультиматум было отправлено на Гуниб на другой день утром, 20 августа: «В 9 часов утра, несколько доверенных лиц... взялись доставить приказания князя... по назначению» [6, с. 404]. Абдурахман подтверждает, что «на следующий день от кн. Барятинского было получено письмо с текстом на арабском и русском языках» [4, с. 167]. Ультиматум на Гуниб доставили кади Мухаммад из Верхнего Дженгутая и бывший араканский наиб имама Доного Мухаммед из Гоцо Аварский (26 июля 1859 г. вместе с другими наибами вышел к барону Врангелю в лагерь Дагестанского отряда). Имам оставил у себя письмо кн. Барятинского, «вернул их обоим к князю, заявив, что подумает об этом» [4, с. 167].

Ультиматум состоял из двух основных требований: 1) «неотлагательно сложить оружие», «сдача Шамиля»; 2) «чтобы он и сыновья его дали письменное обязательство – жить там безвыездно».

Предложен ряд условий: 1) «полное прощение», 2) «дозволение с семейством ехать в Мекку», 3) «путевые издержки и доставление его на место будут полностью обеспечены», 4) «определить размер денежного содержания ему с семейством» [6, с. 402; 11, с. 285].

Был определен срок действия ультиматума: «До вечера завтрашнего дня», то есть 21 августа. Предупреждение о последствиях в случае невыполнения требований в срок: «Лишат его навсегда объявленных ему мною милостей».

Местные источники сдержанно отразили этот важный документ на своих страницах. Абдурахман, не беспокоясь о точности его передачи, в образной форме передал содержание ультиматума: «Поступило письмо от главнокомандующего (сардар) князя Барятинского, содержание которого сводилось к следующему: “Ты обратился с просьбой, успокой свое сердце”» [9, с. 74]. Гаджи-Али более корректен и писал: «На другой день после переговоров, получено было письмо главнокомандующего... в котором подтвердились условия мира, предложенные Лазаревым» [3, с. 68]. Автор, видимо, имеет в виду условия перемирия, впервые услышанные осажденными 19 августа от полк. Лазарева, который, в свою очередь, говорил от имени главнокомандующего.

Как передает Гаджи-Али, ультиматум был зачитан перед всеми защитниками Гуниба: «Мюриды были собраны и прочитано письмо. Произошло много толков» [3, с. 68]. Имам Шамиль при всех высказал свое отрицательное отношение к ультиматуму. Он ему не верит: «Это русские хитрят, чтобы только выманить нас из Гуниба» [3, с. 68]. Абдурахман передает сомнения имама: «Русские уже несколько раз обманывали меня, какое может быть доверие к ним [теперь]? Однажды я уже отдал им в Ахульго своего сына Джамалуддина заложником с условием, что русские войска уйдут, предоставив [нам] возможность отправиться в хадж, а они не сдержали слова. Затем, во второй раз, я отдал сына дочери моей сестры – Гамзата – во время сражения в Телетле,

русские обманули и на этот раз. Так было уже неоднократно» [9, с. 74]. По Гаджи-Али, нашлись и другие сомневающиеся, которые «говорили, что такие люди, как сардар не должны обманывать» [3, с. 69]. Последних, по Инквачилаву, было больше: «Настроение Шамиля, видимо, колебалось... он призвал меня и сказал следующее: “Я начинаю убеждаться, что все желают мира”» [8, с. 319].

Помощник начальника штаба Н. А. Волконский в силу своих должностных обязанностей находился в курсе содержимого всей переписки, которая исходила с Кегерского плато на Гуниб и обратно. Он писал, что «вся переписка происходила с обеих сторон в течение всего времени на арабском языке, и нам приходилось буквально и без изменений цитировать русские переводы наших переводчиков, которые состояли при главнокомандующем; отступление не только от смысла, но даже от слога переводов мы не допустили» [6, с. 404]. В своих воспоминаниях он привел полностью текст ультиматума кн. А. И. Барятинского и содержание письма Даниял-султана.

Последний извещал имама, что после того, как он с полк. Лазаревым «имели с вашим сыном совещание», они «возвратились к главнокомандующему» и «приняли от него верное условие и запечатанные бумаги» [6, с. 404]. Даниял-султан уверял: «Верьте мне, без всякого сомнения, что он исполнит то, что вам написал в бумаге о спокойствии вашем, дорожных издержках и отправлении в Мекку. *Вы направили нас сюда с тем, чтобы прислать известие о вашем проезде.* Я желаю и прошу вас о мире, и послушайте этих посланных, тем более, что они последние и после сегодня не будет уже никаких переговоров» [6, с. 404]. В своем сопроводительном письме Даниял-султан писал о «запечатанных бумагах», отправленных на Гуниб вместе с ультиматумом. Возможно, его письмо, которое сопровождало ультиматум главнокомандующего, находилось в их числе и носило личный характер, поэтому оно не стало известным окружению имама. О нем не упоминают ни Абдурахман, ни Гаджи-Али.

Письмо шейха

Как неожиданно выяснилось, в переговорах принимал участие шейх Саййид Джамалуддин ал-Хусайни ал-Газикумуки ад-Дагистани, мюршид имама Шамиля и его тесть, который находился в лагере главнокомандующего на Кегерском плато.

Саййид Джамалуддин ал-Хусайни ал-Газикумуки ад-Дагистани (1792 (88?) – 1866) – ученый-богослов, шейх накшбандийского тариката (получил инвеституру на наставничество (иджаза) от шейха накшбандийского тариката Мухаммад ал-Яраги (1771–1839), духовный наставник и сподвижник имама Шамиля, являлся известным в Дагестане духовным и общественным деятелем. Некоторое время служил письмоводителем у казикумухского хана, затем отказался от службы; был связан с имамом Шамилем родственными отношениями – дочь вышла замуж за имама, два его сына,

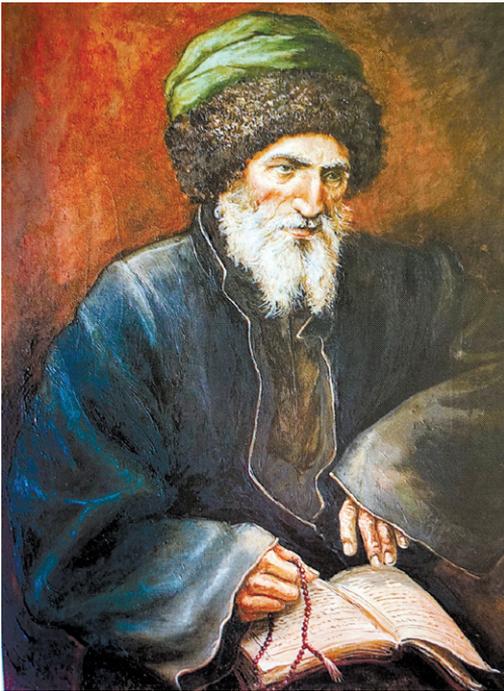

Рис. 1. Саййид Джамалуддин ал-Хусайни ал-Газикумуки ад-Дагистани (1792 (88?) – 1866). Худ. А. Самарская

Fig. 1. Sheikh Jamaluddin al-Ghazikumukhi (1792 (88?) – 1866). Artist A. Samaraskaya

Абдуразман и Абдурахим, были женаты на дочерях имама; известен как автор нескольких сочинений, одно из самых популярных – о сущности суфизма, морально-этических нормах суфия, взаимоотношениях шейха (муршида) и мюрида «Ал-Адаб ал-мардийа фи-т-тарикат ан-накшбандийа» («Удовлетворительные правила в накшбандийском тарикате»); после падения Имамата переселился в Стамбул; там же похоронен.

В конце июля 1859 г. шейх был удержан в Телетле изменившим имаму Шамилю наибом Кебедмухаммадом Телетлинским. В донесении от 7 августа кн. А. И. Барятинский писал: «Известный старейший из наибов Кибит Магома покорился со своим обществом Тилитль и в знак искренности задержал у себя тестя и наставника Шамиля Джемаль Эддина»⁵. Мухаммад Тахир аль-Карахи писал, что «русский

генерал... возвеличил и оказал уважение... шейху устазу Джемаль ад-Дину ал-Гумуки», который в это время «находился со своей семьей в Тилике» [7, с. 80]. Между тем все остальные местные авторы в своих «гунибских» воспоминаниях умалчивают об этом важном факте. Позже, в 1864 г., Абдурахман делает деликатное упоминание о былом неприятном эпизоде в биографии их известного отца-шейха. Повествуя о первой встрече отца, шейха Джамалуддина, с кн. Барятинским, Абдурахман дипломатично писал: «Когда он (т.е. кн. Барятинский. – Прим. П. Т.) приблизился к Телетлю, к селению, расположенному близ Гуниба... он *пригласил* его (Джамалуддина) к себе. А Джамалуддин *жил* тогда в Телетле...» [9, с. 136].

По всей видимости, шейх Джамалуддин вместе с Кебедмухаммадом Телетлинским сопровождал кн. Барятинского и с 18 августа находился в лагере главнокомандующего на Кегерских высотах. Находит логическое объясне-

⁵ Всеподданнейшие донесения Главнокомандующего Кавказскою армией о военных действиях в Нагорном Дагестане в 1859 г. и пленении Шамиля. Донесение кн. Барятинского от 7 августа 1859 г. В: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6696. Л. 14.

ние попытка привлечь мюршида имама и шейха в мирных переговорах, когда и было написано имаму Шамилю письмо⁶ «с убеждением к принесению покорности без кровопролития». Но было ли оно отправлено на Гуниб в числе других «запечатанных бумаг»? В самом письме автор указывает, что отправляет его на Гуниб вместе с письмом-ультиматумом главнокомандующего.

Оригинал письма шейха Джамалуддина с приложением перевода на русский язык, выполненного в августе 1859 г., хранится в РГВИА, по необъяснимым причинам в россыпи личного фонда гр. Евдокимова. Между тем оригиналы остальной переписки гунибской эпопеи (ультиматум, письма) по настоящее время не выявлены ни в личных фондах кн. А. И. Барятинского, гр. Д. А. Милютина, ни в особом архивном деле «Всепопданнейшие донесения Главнокомандующего Кавказскою армией о военных действиях в Нагорном Дагестане в 1859 г. и пленении Шамиля»⁷.

Письмо шейха Саййида Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газикумуки ад-Дагистани имаму Шамилю⁸

«От Джамалудина к Шамилю.

Г. Главнокомандующий требовал меня к себе, много говорил относительно тебя, открывал мне самые сокровеннейшие мысли и уверял в их искренности.

Я поверил ему и убежден, что он исполнит все, что он говорил, потому что имеет власть и средства к исполнению своих желаний, не спрашивая на то предварительного разрешения. Я вполне поверил всем обещаниям Г. Главнокомандующего, потому что не в обычаях великих обманывать слабых, как это делают низкие души.

Сколько раз, Родитель мой, я обращался к тебе с советами и просьбами покориться великому Государю, но ты не послушал меня, не принял моих советов: а что из того вышло?

Теперь все твои владения и крепости во власти русских и ты остался с несколькими из своих людей на самой вершине горы. Если ты будешь еще упорствовать и драться с русскими, они разобьют твои партии и возьмут в плен всех женщин и детей и всех тех, которые с тобой. Неужели ты не сжалишься над ними? Не должны же пасть на тебя их несчастья?

Подумай о последствиях твоих поступков, пожалей твоих людей и покорись. Г. Главнокомандующий очень милостив и сделает все, чтобы тебя успокоить. Впрочем, ты волен в своих поступках, делай что хочешь».

⁶ В настоящее время оригинал письма находится в личном фонде гр. Евдокимова. В: РГВИА. ВУА 6696 Ч. 16 (2), Л. 98–98 (об). Архив Евдокимова.

⁷ Всепопданнейшие донесения Главнокомандующего Кавказскою армией о военных действиях в Нагорном Дагестане в 1859 г. и пленении Шамиля. В: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6696. Л. 27 (об).

⁸ РГВИА. ВУА 6696 Ч. 16 (2). Л. 98–98 (об). Архив Евдокимова. Русский перевод, 19 августа 1859 г.

Письмо шейха Саййида Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газикумуки ад-Дагистани имаму Шамилю⁹

- 1/ ... شمويل السلام عليكم ورحمة الله تعالى وبركاته أما بعد فان السردار الاعظم
2/ دعانى عنده وشاورنى فى حقه وكلمنى بما فى ضميره ووثقنى فوثقت عليه وعلمت انه لا يكذبنى ولا يخون
لانه ليس كسائر السردارات
3/ بل هو مثل الپادشاه لان فى يده اختيار جميع الخزان والعساكر ليفعل كيف شاء بلا استئذان وان سائر
السردارات
4/ لا يقدر ان يفعلوا شيئاً الا باستئذان فيه (منه؟) فاذا كان امر هذا السردار هكذا وثقت عليه ثقة عظيمة
بأنه لا يخون
5/ لان عادة الاعاظم ان لا يكذبوا ولا يخونوا مثل الاصغر واعلم يا ولدى انى كنت نصحتك قبل هذا بنصائح
6/ كثيرة وامرتك بالصلح مع هؤلاء فلم تستمع قولى ولم تقبل نصيحتى فلو قبلتها يكون لك خيرا فالآن خرج
7/ من يدك جميع مملكته والقلاع والتوفات وسائر العدد والعُدود وبقيت على رأس جبل
8/ مع رجال قليل فكيف تقاتل مع الپادشاه وعساكره باولئك الرجال القليل فان قاتلت معهم
9/ وغلّبوا عليك يأسرون جميع النساء والصبيان واولادك واولادى وسائر الرجال الذين كانوا
10/ هناك افلا ترحم عليهم وافلا يكون اثمهم عليك فتفكر ايها الولد فى عاقبة امرك وصالح معهم
11/ وارحم على الرجال الذين كانوا معك فان هذا السردار رجل كثير المراحم وانه لا يفعل الا ما هو
12/ الاصلح لك واقبل نصيحتى وافعل الصلح مع هذا السردار فانه يفعل لك خيرا كثيرا ويرضيك رضاء
13/ شديدا هذه النصيحة آخر نصيحتى لك فان قبلتها فذاك مقصودى والا فافعل ما شئت
14/ فالعقل عقلك والاختيار فى يدك فمن لم يقبل النصيحة حلت الندامة فانى لا أقدر
15/ على جبر عليك بعد ما لم تقبل نصيحتى هذا اصلح الله اموركم فانى ارسلت [فراغ فى الأصل] والسلام (?) هذا
16/ اليك هذا محمود برسالة السردار وبرساتى هذه فاستمع مقالتي
17/ ولا تهلك نفسك وانفس اتباعك واولادك وعيالك آه

Письмо шейха Саййида Джамалуддин ал-Хусайни ал-Газикумуки ад-Дагистани имаму Шамилю¹⁰

«[От Джамалуддина к] Шамилю, мир Вам, милость и благословение
Всевышнего Аллаха! Поистине, главный сардар

2/ пригласил меня к себе, советовался со мной о тебе, высказал свои
помыслы и уверял в их искренности. Я поверил ему и понял, что он мне не лжет
и не обманет, ибо он не как другие сардары,

3/ а подобен падишаху, поскольку в его руках вся казна и войско, которы-
ми он распоряжается, как захочет, не спрашивая чьего-либо дозволения.
Остальные же сардары

4/ не вольны совершать что-либо без его дозволения. Если этот сардар
таков, то у меня к нему большое доверие, что он не обманет,

⁹ Письмо на современной арабской графике.

¹⁰ Перевод с арабского языка при содействии В. О. Бобровникова.

/5/ поскольку не в нравах великих лгать и обманывать, подобно ничтожным. Знай, сын мой, ведь прежде я обращался к тебе с советами

/6/ много [раз], повелевая тебе [заключить] перемирие с этими [русскими], но ты не прислушался к моему слову и не принял моего совета. Если бы ты принял его, тебе было бы лучше. Сейчас же ушли

/7/ из твоих рук все твои владения, крепости, войска, вооружения и прочее, и ты остался на вершине горы

/8/ с малочисленными людьми. Как же ты будешь сражаться с падишахом и его войском с этими малочисленными людьми? Если же ты вступишь в сражение против них [русских],

/9/ и они одержат победу над тобой, то возьмут в плен всех женщин и детей, твоих и моих детей, и всех прочих мужчин, которые были

/10/ там. Неужели ты не пожалеешь их, разве не на тебя падет грех за них. Подумай же, [мой] сын, об исходе твоего дела, примиришься с ними,

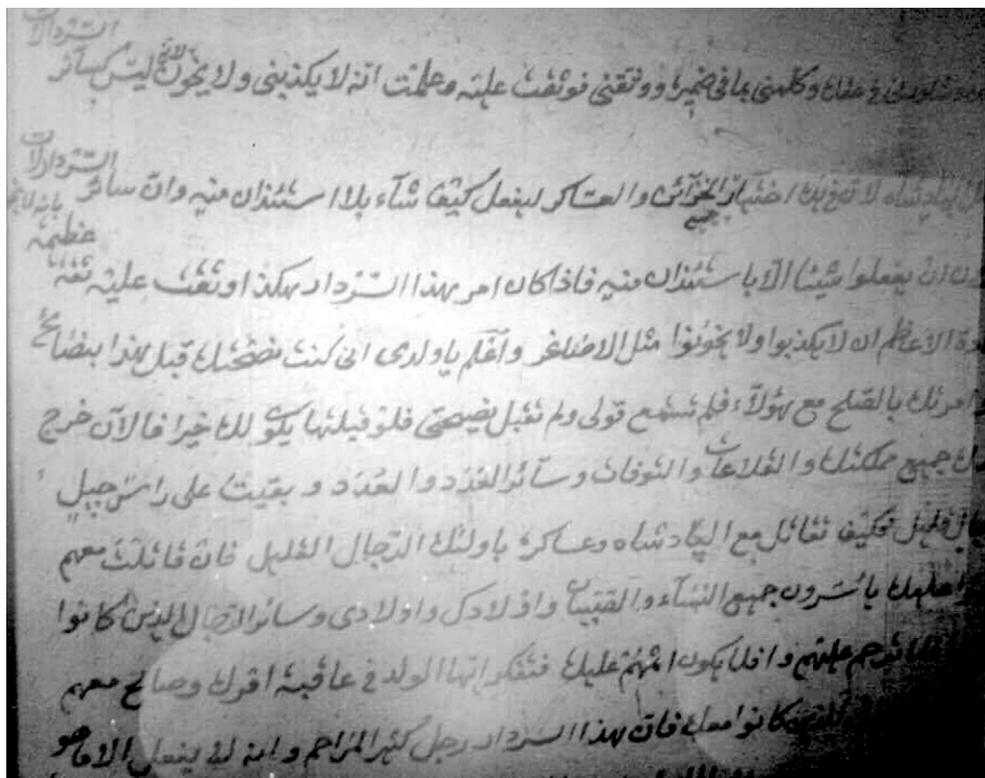

Рис. 2. Фрагмент письма шейха Сайида Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газикумуки ад-Дагистани. © РГВИА. Фото автора

Fig. 2. Fragment of the letter of Sheikh Said Jamaluddin al-Husseini al-Ghazikumuki al-Dagistani. © RGVIA. Photo by the author

- /11/ пожалей людей, которые остаются с тобой. Ибо этот сардар многомилостив, он сделает только наилучшее для тебя,
/12/ только лучшее для тебя. Так прими мой совет, устрой перемирие с этим Сардаром. Он же сделает для тебя много хорошего и уболаготворит тебя
/13/ сильно. Этот совет – последний мой совет тебе. Если ты примешь его, то таково мое желание. Иначе поступай, как хочешь,
/14/ размышлять тебе и выбор в твоих руках. Тот, кто не прислушивается к совету, будет сожалеть. А я не могу
/15/ принудить тебя [сделать это], если ты не примешь мой совет. Да будет в твоих делах удача от Аллаха. Я посылаю ¹¹ ... и привет (?)
/16/ тебе Махмуда с письмом Сардара и этим моим письмом. Прислушайся к моим словам,
/17/ не губи себя, твоих людей, детей и семью».

По Абдурахману из Газикумуха, после получения ультиматума главнокомандующего на Гунибе и его чтения перед всеми осажденными, решение о том, как поступить дальше, было принято на небольшом совете, который «имам держал со своими товарищами-приверженцами (асхабами): серьезным ученым хаджи Ибрагимом – мухаджиром из Абадзеха, любимцем имама в Дарго; ученым мухаджиром хаджи Насруллахом Кюринским из Кемира; мухаджиром хаджи Хайруллахом из Герата, ученым Хаджиали, сыном Малика из Чоха, старым наибом мухаджиром Микик Муртазаали из Чиркея, наибом Дибиром Аварским (Инквачилав), и другом имама с малых лет мухаджиром Юнусом из Чиркея» [4, с. 167]. По всей видимости, совет не был ознакомлен с письмом шейха Джамалуддина. Можно только предположить, что оно либо не было отправлено на Гуниб (что маловероятно), – оно уже было переведено штабными переводчиками на русский язык; либо имам решил, что оно носит личный характер и не нуждается в огласке.

Совет имама, 20 августа 1859 г.

Между тем осажденные, по всей видимости, не хотели упускать шанс уйти с Гуниба по взаимному соглашению с русскими. На совете пришли к мнению «отправить наибов Дибера Аварского и Юнуса Чиркеевского к кн. Барятинскому» [4, с. 167]. Абдурахман писал: «И сказали [имаму] члены его совета: “Будет хорошо, если ты пошлешь к главнокомандующему уважаемых людей из нас, чтобы *узнать о его намерениях*”. Все сошлись на том, чтобы послать двух избранных асхабов имама, [а именно] Юнуса ал-Чиркави... и найба Дибера, сына Инкачи ал-Авари» [9, с. 74]. По Абдурахману, доверенным лицам имам дает личное поручение: «Разузнайте положение дел и *можно ли нам верить тому, что написано князем Барятинским* в письме или нет.

¹¹ Пропуск в оригинале.

Подлинно нет сомнения, что язык обстоятельств красноречивее языка разговора. Я вам верю» [9, с. 74].

Вызывает удивление, что Абдурахман важную миссию послов имама к главнокомандующему сводит к своего рода личной перепроверке содержания ультиматума не совсем понятным «языком обстоятельств» – «убедиться в истинности содержания полученного письма», не упоминая об их основной цели. И если у Абдурахмана задачи доверенных лиц приведены неопределенно, то у Гаджи-Али, напротив, все отчетливо сформулировано – к главнокомандующему были отправлены послы «хунзахский наиб Дебир и Чиркеевский Юнус» с *устным и письменным сообщением*. Гаджи-Али приводит текст этого письменного сообщения полностью:

«От раба божия Шамиля, великому сардару, главному вождю, генерал-адъютанту князю Бяратинскому! Мир вам, похвала и приветствие! К нам прибыли почтенные послы со священным письмом вашим. Мы прочитали его и поняли содержание. Посылаем к вам от нас двух послов *для лучшего объяснения условий мира и обеспечения пути нашего в Мекку. Мы надеемся, что вы выслушаете их и дадите ответ*»¹².

В чем именно заключалось «лучшее объяснение условий мира», Гаджи-Али объяснял: «Послы *словесно должны были передать от Шамиля главнокомандующему* следующие условия мира: *чтобы дать Шамилю около месяца срока, пока он приготовится к дороге в Мекку; послать для сопровождения его какого-нибудь благонадежного человека, чтобы на пути до границы Турции никто его не обидел; а тех мюридов, которые останутся в Дагестане, успокоить там, где они пожелают*» [3, с. 68]. Таким образом, впервые 20 августа в переговорном процессе «кн. Бяратинский – имам Шамиль» появляется то самое неожиданное «новое условие имама», которое полк. Лазарев приписал в своих воспоминаниях предварительным переговорам от 19 августа.

Совершенно очевидно, выговаривая себе еще один месяц на Гунибе, имам пытался выгадать время. И не только имаму, всем было очевидно, что этот месяц не носил военно-стратегического характера, поскольку будущего имамата уже никто не видел. В частности, в 1861 г. Даниял-султан, поясняя, почему он был вынужден в конце июля 1859-го сдать русским крепость Ириб без боя, писал: «Я готов торжественно признать себя изменником Шамилю... если мне докажут, что Дагестан, после принятых князем-наместником к покорению его мер, мог еще держаться хоть один год» [14]. Но зачем тогда имаму был нужен это месяц?

Между тем, как передает Д. А. Милютин, по получении ультиматума имам Шамиль попросил разрешения отправить к кн. Бяратинскому доверенных лиц для «*дополнительных переговоров* относительно обеспечения обещанного пропуска в Мекку» [1, с. 384]. Доверенные лица имама прибыли на Кегерское плато в тот же день, 20 августа. По Н. А. Волконскому, *в тот же день, в ответ на*

¹² «Письмо это было написано мною», – отмечает на полях Гаджи-Али [3, с. 68].

полученный ультиматум, имам Шамиль прислал кн. Барятинскому письмо: «Я узнал, как из письма вашего, так и через посланного, согласие ваше насчет пропуска нам дороги, для проживания нашего там, где я давно желал быть... Я с сим посылаю к вашему сиятельству моих посланников, и если разрешите нам безопасность, то тогда они должны объяснить вам о кондициях и обо всех, к тому касающихся, безопасности нашей, и чтобы из нас никто не сомневался бы в своей участи». Главнокомандующий допустил к себе посланных Шамиля, вел вступить с ними в соглашение – без отступления от тех коренных предложений, которые он предпослал Шамилю» [6, с. 404].

Таким образом, ознакомившись с ультиматумом, имам Шамиль желает удостовериться в «подлинности намерений» кн. Барятинского. С этой целью по решению совета он отправляет к главнокомандующему своих доверенных лиц с поручением «для лучшего объяснения условий мира», «условий обеспечения пути в Мекку», определения «о его намерениях». Главнокомандующий согласился принять доверенных лиц имама, решив еще раз «вступить с ними в соглашение», но «без отступления от тех коренных предложений, которые он предпослал Шамилю» [6, с. 404]. Собственно, «коренное предложение» в ультиматуме было только одно: «Чтобы Шамиль неотлагательно сложил оружие». Но по прибытии уполномоченных имама на Кегерские высоты неожиданно выяснилось, что «лучшее объяснение условий мира» заключалось в объявлении главнокомандующему нового условия имама – предоставить ему «около месяца срока, пока он приготовится к дороге в Мекку».

Послы имама у главнокомандующего, 20 августа 1859 г.

20 августа в ставку главнокомандующего в лагерь на Кегерское плато прибыли «горские дипломаты», уполномоченные имама мюрид Юнус Чиркеевский и наиб Дибир Инквачилав. Милютин писал: «Кн. Барятинский, лично приняв этих горских дипломатов, подтвердил им свое прежнее обещание» [1, с. 384]. Дальше происходит необъяснимое. Милютин пишет, что «горские дипломаты», получив «подтверждение обещаний» от самого главнокомандующего, «возвратились на Гуниб, но затем прошел весь день без ответа» [1, с. 384]. Ни слова о письме имама с предложением предоставить ему еще «около месяца срока». Молчит об этом письме и новом условии имама Н. А. Волконский [6, с. 405]. По А. Л. Зиссерману, визит «горских дипломатов» также не принес ничего нового: «Приходивший от Шамиля для переговоров... Юнус Чиркеевский не доставил положительного ответа, а вел уклончивые туманные речи» [11, с. 285].

Дибир Инквачилав, второй участник этой встречи, оставил подробнейший рассказ о том, что происходило на переговорах в палатке кн. Барятинского. По Инквачилаву, именно он озвучил перед главнокомандующим новое условие имама: «Имам поручил передать, что он готов прекратить вражду на таких условиях: прежде всего, он хочет, чтобы ему с семейством и некоторыми из приближенных разрешено было выехать в Турцию и до границы чтобы прово-

жали нас Лазарев, Али Хан и Рашид Хан. Затем, *он просит, чтобы его не требовали сюда*, а дали возможность выехать в дорогу прямо с Гуниба. Предварительно имаму необходимо отправить одного из людей в Стамбул, к своему поверенному, с поручением приготовить там помещение. Имам желает поэтому, чтобы до возвращения этого гонца ему позволено было остаться на Гунибе. Таковы наши условия и, если сардар изъявит на это согласие, война в Дагестане прекратится сегодня же». По его словам, главнокомандующий ему отвечал: «Хорошо, я позволю Шамилю и его приближенным отправиться в Турцию. Дайте мне знать, сколько их. Я прикажу дать все перевозочные средства и деньги и разрешу ехать с ними до границы трем названным лицам. Но Шамиль должен прибыть сюда». Инквачилав говорит, что это невозможно. Главнокомандующий категоричен: «Наш противник – Шамиль. Когда противники примиряются, они должны встретиться. Что касается до Гуниба, он... не может быть во власти Шамиля до возвращения из Стамбула его посланного». Инквачилав обещает все передать имаму и, «если он согласится, дам знать». По его словам, последние слова главнокомандующего, перед тем как покинуть палатку, были: «А если не согласится, то извести нас об этом выстреле» [8, с. 322]. Переночевав в лагере на Кегерском плато, на следующий день, 21 августа, мюриды с рассветом покинули его и поднялись на Гуниб.

Таким образом, по Инквачилаву, главнокомандующий был поставлен «горскими дипломатами» перед тремя фактами: 1) имам требовал оставить его на Гунибе до возвращения его гонца, отправленного в Стамбул; 2) имам отказывался подниматься на Кегерское плато к кн. Барятинскому для заключения мирного договора; 3) имам не доверяет русским, поэтому о заключении мирного соглашения на Кегерском плато, в ставке главнокомандующего, не может идти речи.

Как показала эта встреча, по рассказам Инквачилава и полк. Лазарева, выявился камень преткновения мирных переговоров, точнее, два основных и невыполнимых требования, которые в конечном итоге завели весь переговорный процесс в тупик: 1) требование главнокомандующего явиться имаму Шамилю на Кегерское плато, в главный штаб, для заключения и подписания мирных соглашений; 2) встречное требование имама Шамиля предоставить ему месячный срок для контакта с турецким султаном через личного курьера.

Возвращение послов, 21 августа 1859 г.

Абдурахман из Газикумуха, повествуя о переговорах послов на Кегерских высотах, от результатов которых зависело будущее осажденных, на удивление лаконичен. Об этом важном событии он практически ничего не пишет, ограничившись коротким: «Оба они отправились к князю и вернулись на следующий день. На расспросы имама они ответили: “Из разговора с князем Барятинским мы поняли, что все это – обман”» [4, с. 168]. Абдурахман не присутствовал на переговорах, и об «обмане» главнокомандующего мог знать только со слов основного участника переговоров, Юнуса Чиркеевского. Но на каком основании

Юнус вынес свое столь категорическое заключение, неизвестно. Но, надо заметить, оно немало удивило другого участника переговоров, Инквачилава Дибера: «Шамиль ожидал нас с нетерпением и как только завидел наше приближение, крикнул еще издали: “Ну, что случилось?!” . “Случилось то же, что и под Ахульго! Такой же обман!” – ответил мой спутник, прежде чем я успел вымолвить хоть слово. Подъехав затем к имаму, мы слезли с коней, и Юнус повторил весь разговор наш с Бяратинским. Взбешенный выходкой Юнуса, которая опрокинула сразу все мои намерения и надежды, я не проронил при этом ни слова, хотя сардар произвел на меня совершенно иное впечатление, и я был убежден, что он исполнит все свои обещания» [8, с. 322]. «Тем не менее, – продолжает Инквачилав, – говорить об этом крайне подозрительному имаму уже не пришлось после того, как Юнус заронил в его душу сомнения» [8, с. 322].

Инквачилав не скрывал, что был немало удивлен заключением Юнуса и не разделял его. Но поскольку он промолчал («не проронил при этом ни слова»), Абдурахман приписал этот отрицательный отзыв им обоим: «На следующий день вернулись, как ослы с отрезанными ушами, с опущенными головами. Они известили нас, что напрасны ожидания, и сообщили имаму, что *они не нашли в делах главнокомандующего ничего иного, кроме хитрости* – как говорят, обстоятельства красноречивее слов. После этих слов изменилось намерение имама, особенно когда он увидел отрицательное отношение Юнуса к миру с главнокомандующим» [9, с. 74]. К сожалению, ни один из местных авторов не попытался комментировать категоричное заключение Юнуса или объяснить, какие именно «обстоятельства» оказались «красноречивее слов»?

Изначально процесс мирных переговоров был довольно прозрачным, и ничто не могло повлиять на его исход и разрешение, кроме воли двух людей – имама Шамиля и князя Бяратинского. Несомненно, определенную роль здесь сыграло «отрицательное отношение Юнуса к миру с главнокомандующим», которому имам Шамиль безоговорочно доверял. Каким образом Юнус Чиркеевский разуверился в «справедливости хороших условий», предложенных сардаром, и почему все их слова оказались «ложью», история умалчивает. Как ни странно, мнением Инквачилава, который, по его же словам, вел переговоры с главнокомандующим, имам Шамиль не поинтересовался, ограничившись расспросами разведывательного характера: «Я поручал тебе, – обратился ко мне Шамиль после рассказа Юнуса – присмотреться к войскам. Много ли у них пушек?» [8, с. 326].

О том, что происходило на Гунибе по возвращении доверенных лиц с Кегерского плато, Гаджи-Али коротко резюмировал: «Когда послы возвратились, то Шамиль сказал народу: “Я хотел заключить мир для вас. Сардар предлагал хорошие условия, и чтобы убедиться в справедливости оных, я посылаю к нему двух послов. Теперь послушайте, что они скажут”. Послы сказали: “Все что русские говорят – это ложь; потому что у них на языке одно, а на сердце другое. Мы от них не получим никакой пользы!”» [3, с. 69].

Выслушав послов, имама Шамиля, осажденные на Гунибе, по Гаджи-Али, выразили единодушное: «Благодарим тебя, имам, что ты желал для нас примирения; но если русские хитрят, то мы лучше будем сражаться, пока умрем; и ты сражайся, имам!» [3, с. 69].

Но на Кегерском плато об этом еще не знали.

Письмо Милютинна на Гуниб, 22 августа 1859 г.

Доверенные лица имама прибыли в лагерь главнокомандующего 20 августа, кн. Барятинский принял их и в тот же день. На другой день, 21-го, рано утром горцы возвратились на Гуниб. Милютин писал: «Но затем прошел весь день без всякого ответа от Шамиля» [1, с. 384]. Молчание с Гуниба вынудило главнокомандующего еще раз обратиться к осажденным. О том, что ожидание ответа затянулось, было отмечено в последнем письме к имаму от 22 августа. По приказу главнокомандующего оно было написано от имени начальника штаба Кавказской армии кн. Д. А. Милютинна и отправлено с полковником Алиханом Аварским на Гуниб, с основным содержанием – требованием «сардара» немедленного ответа и с «назначением крайнего срока» [1, с. 384]. Письмо, по Д. А. Милютину, было написано на арабском языке [6, с. 404; 11, с. 285]. Из письма начальника штаба Д. А. Милютинна имаму Шамилю, 22 августа:

«Посланный вами Юнус прибыл сюда к г. наместнику, который имел разговор насчет мира с г. наместником, и получил от него наставление и объяснение, для передачи оных вам; он возвратился назад, и доныне не получая от вас ответа, г. наместник приказал мне послать к вам нарочного, для передачи вам в последний раз: *хотите ли мира, как указано г. наместником, или же нет?* Вы на это имеете время до первого часа, в противном случае между нами будет враждебность. Я посылаю к вам служащего у нас Алихана и Мухамеда-Ферхтена, и если вы хотите говорить с нами насчет мира, то пришлите к нам от вас кого либо, или же напишите письмо с объяснением ваших желаний» [6, с. 405].

Вопрос в письме начальника штаба был сформулирован предельно четко: «Хотите ли мира, как указано г. наместником, или же нет?». Ясно указаны сроки действия ультиматума: «Имеете время до первого часа». Определены последствия в случае отказа от мирного соглашения: «В противном случае между нами будет враждебность». Несмотря на то что письмо носило ультимативный характер, оно все еще оставляло место для дальнейших переговоров: «Если вы хотите говорить с нами на счет мира, *то пришлите к нам от вас кого либо, или же напишите письмо с объяснением ваших желаний*» [6, с. 405].

Абдурахман об этом письме умалчивает. По Гаджи-Али, в письме Милютинна, «написанном по доверенности главнокомандующего... кратко было спрошено, согласен ли Шамиль на упомянутые предложения, или нет» [3, с. 69]. И хотя это письмо, от 22 августа, вновь подавало осажденным еще одну надежду избежать кровопролития, о продолжении переговоров уже не могло идти речи.

Ответ имама, 22 августа 1859 г.

Гаджи-Али писал, что по поручению Шамиля «Абдурахман, зять его, написал ответ главнокомандующему, что с мечом в руках они дожидаются русских» [3, с. 69]. Методичный Гаджи-Али добавляет: «К этому ответному письму не была приложена печать Шамиля» [3, с. 69], поскольку она осталась у Амирахана Чиркеевского, секретаря, письмоводителя и хранителя печати имама Шамиля. Его не оказалось в числе тех, кто поднялся с имамом на Гуниб. Сам Абдурахман писал, что имам Шамиль приказал ему написать письмо следующего содержания: «Если вы отпустите меня с семьей, детьми и с некоторыми из моих асхабов в хаджж, то между нами – мир и согласие, в противном случае – меч обнажен и рука тверда» [9, с. 75]. В другом сочинении Абдурахман передавал содержание письма несколько иначе: «Если освободите дорогу в Мекку мне и тем, кого я желаю, то быть миру между нами, а если нет – то нет» [4, с. 166]. Абдурахман добавлял: «Когда письмо было готово, мухаджир хаджи Ибрахим из Абадзеха¹³ предложил: “О имам! Было бы хорошо, если бы добавить к написанному: *Шашка обнажена и рука не дрогнет*”. Я, по распоряжению имама, добавил эти слова в письмо» [4, с. 166].

Странно, что ни Гаджи-Али, ни Абдурахман, передавая информацию о содержании письма имама, не упоминали об основном условии, которое стало камнем преткновения на переговорах – *о предоставлении имаму еще одного месяца пребывания на Гунибе*. По содержанию письма, с их слов, складывается странная картина: горцы настаивают на том, чтобы им «освободили дорогу в Мекку», а главнокомандующий, как известно, изначально был готов ее предоставить. И при соблюдении этого условия – «быть миру» между ними. Но в таком случае, в чем заключалась проблема? Что задержало имама на Гунибе, ни Абдурахман, ни Гаджи-Али не пишут. Разгадка кроется в содержании того же письма, переданного по русским источникам.

Ответ с Гуниба был написан на обороте того же письма, отправленного утром [15, с. 129]. Д. А. Милютин писал: «Сверх всякого ожидания, ответ получен чрезвычайно дерзкий, в таком смысле: “*Мы не просим у вас мира и никогда с вами не помиримся*; мы просили только *свободного пропуска на заявленных нами условиях*; если последует на это согласие, то хорошо; если ж нет, то возлагаем надежды на всемогущего Бога. Меч отточен и рука готова!”» [1, с. 384]. По А. Л. Зиссерману, ответ имама Шамиля выглядел так: «*Мы не требуем от вас мира и никогда не помиримся с вами; мы от вас просим только свободного пропуска по известному уже условию*. Если на это будет согласие, то хорошо, если же нет, то надеемся на Бога, который выше и сильнее всего. На этом основании – сабля настроена, и рука готова» [11, с. 285]. По полк. Лазареву, эта фраза передана несколько выпендрено: «В тот же день послан-

¹³ *Ибрахим-хаджи (ал-Черкеси), мухаджир из Абадзеха, черкесский ученый-богослов, «любимец имама в Дарго»* [4, с. 167]. По М.-Т ал-Карахи, «знающий ученый мухаджир Ибрахим ал-Черкеси».

ный вернулся с написанным на обороте того же письма ответом, что Шамиль не согласен на сделанные ему предложения, что наверху Бог, а на Гунубе правоверные мусульмане, и в руках их мечи для священного газавата» [15, с. 129]. По С. Эсадзе, «посланные Алихан и Мугамед-Ферхтен, к общему удивлению, привезли следующий ответ: “Мы не требуем от вас мира и никогда не помиримся с вами, и от вас мы просили только свободного пропуска дороги по известному уже условию; если на это будут согласие, то хорошо; если же нет, то надеемся на Бога, который выше и сильнее всего; на этом основании сабля наострена и рука готова”» [16, с. 195].

«После такого ответа, – заключал Н. А. Волконский, – больше ничего не оставалось, как “представить окончание дела штыку”» [11, с. 285].

Ключевая фраза ответа имама Шамиля, по Гаджи-Али, «с мечом в руках они дожидаются русских», по Абдурахману, «сабля настроена, и рука готова», «шашка обнажена и рука не дрогнет»; по Милютину, «меч отточен и рука гото-

Рис. 3. А. Д. Кившенко. Сдача Шамиля князю Барятинскому. 1859 г. Холст, масло. 33,0 x 44,0 см. Бумага, акварель. 1880 г. Центральный военно-морской музей, Санкт-Петербург. С любезного разрешения музея

Fig. 3. A. D. Kivshenko. The surrender of Shamil to Prince Baryatinsky. 1859 oil on Canvas. 33,0 x 44,0 cm. Paper, watercolor. 1880. The Central Naval Museum, St. Petersburg. With the kind permission of the Museum

ва», по Волконскому, «сабля настроена, и рука готова», по Лазареву, «в руках их мечи для священного газавата», по Эсадзе, «сабля наострена и рука готова». Тем не менее большую известность получила громкая фраза, которой в письме не было (ни по русским, ни по местным источникам). Ее авторство принадлежит участнику осады Гуниба и военному историку Фадееву Р. А., который в своей работе «Шестьдесят лет Кавказской войны», опубликованной в 1860 г., писал: «Последние слова, заключившие переговоры, были: “Гуниб высокая гора; я сижу на ней. Надо мной, еще выше, Бог. Русские стоят внизу. Пусть штурмуют”» [17, с. 129]. Подобного ответа на Кегерском плато не ожидали.

Таким образом, переговоры «кн. Барятинский – имам Шамиль», открытые 19 августа, закончились 22 августа тем, что имам игнорировал условия ультиматума главнокомандующего, дополнительные переговоры выявили, что имам не намерен встречаться с главнокомандующим и, более того, он выдвигал свое, встречное условие, заведомо невыполнимое – предоставить ему еще один месяц пребывания на Гунибе. Имам настаивал: «Мы просили только *свободного пропуска на заявленных нами условиях*; если последует на это согласие, то хорошо; если ж нет...» [1, с. 384].

Последние надежды на мирную развязку исчезли. В тот же день, 22 августа, князь отправил военному министру ген.-адъют. Сухозанету отношение, в котором писал о результатах переговоров: «Несколько дней, проведенных на Гунибе, окруженном нашими войсками и восставшим против Шамиля населением, дали ему время обдумать свое положение... Он вступил в переговоры, избрав посредниками Даниэль-бека и полк. Алихана. Но после 4-х дневных бесплодных переговоров, я приказал прекратить их и приступить к предварительным работам для овладения Гунибом»¹⁴.

Спустя три дня, 25 августа 1859 г., Гуниб был взят штурмом.

Источники

АКАК Т. 12. Тифлис, 1904. Сборник документов.

Личный архив Д. А. Милютина. ОРРГБ. Ф. 169. Карт. 13. Ед. хр. 3.

Всепопданнейшие донесения Главнокомандующего Кавказскою армией о военных действиях в Нагорном Дагестане в 1859 г. и пленении Шамиля. РГВИА Ф. 846. Оп. 16. Д. 6696.

Отношение главнокомандующего Отдельным кавказским корпусом гр. И. Ф. Паскевича. РГВИА ВУА. № 6241.

Архив Евдокимова. РГВИА. ВУА 6696 Ч. 16 (2). Л. 98–98 (об).

Список сокращений

ОРРГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

¹⁴ Всепопданнейшие донесения Главнокомандующего Кавказскою армией о военных действиях в Нагорном Дагестане в 1859 г. и пленении Шамиля. В: РГВИА. ВУА 6677. Л. 8. Л. 27 (об).

РГВИА ВУА – Российский государственный военно-исторический архив
Военно-учетный архив
АКАК – Акты кавказской археографической комиссии
КС – Кавказский сборник

Литература

1. Захарова Л. Г. (ред.). *Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина (1856–1860)*. М.: Росспэн; 2004. 558 с.
2. Романовский Д. И. *Кавказ и Кавказская война*. СПб.: Общественная польза; 1860. 460 с.
3. Гаджи-Али. *Сказание очевидца о Шамиле*. Махачкала: Дагкнигоиздат; 1990. 80 с.
4. Абдурахман ал Газикумуха. *Книга воспоминаний саййида Абдурахмана*. Махачкала; 1997.
5. Орлов-Давыдов А. Частное письмо о взятии Шамиля. В: *Русский архив*. М.: Тип. В. Грачева и Ко; 1869;(6):1045–1063.
6. Волконский Н. А. Окончательное покорение Кавказа (1859 год). *Кавказский сборник*. 1879;4:399–402.
7. Крачковский И. Ю. (ред.), Барабанов А. М. (пер.) *Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля*. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР; 1941. 336 с.
8. Алиханов М. *В горах Дагестана: путевые впечатления и рассказы горцев*. Махачкала: Эпоха; 2005. 413 с.
9. Абдурахман ал Газикумуки. *Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля (Калуга, 1281 г.х.)*. М.: Восточная литература; 2002. 316 с.
10. Николай А. И. Эпизод из истории Кавказской войны (1855–1859). В: *Русская старина*. СПб.: Типография В. С. Балашева; 1882;36:253–282.
11. Зиссерман А. Л. *Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879*. М.: Университетская типография; 1890:2. 458 с.
12. Гаммер М. *Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму и завоевание Чечни и Дагестана*. М.: Крон-Пресс; 1998. 512 с.
13. Муханов В. М. *Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский*. М.: Центр-полиграф; 2007. 428 с.
14. Даниель-бек. Об отношениях Даниель-бека к Шамилю (Письмо в редакцию газеты). *Кавказ*. 1861;8:45–46.
15. Филиппов В. Несколько слов о взятии Гуниба и пленении Шамиля (составлено по запискам и со слов генерала Лазарева). *Военный сборник*. 1866;49(5):126–129.
16. Эсадзе С. С. *Штурм Гуниба и пленение Шамиля: Исторический очерк Кавказско-горской войны в Чечне и Дагестане*. Тифлис: Военно-исторический отдел; 1909. 208 с.
17. Фадеев Р. А. *Шестьдесят лет Кавказской войны*. Тифлис: Военно-Походная Тип. Главного Штаба Кавказской Армии; 1860. 159 с.

References

1. Zakharova L. G. (ed.). *Memoires of the General Field Marechal Count Dimitrii Alekseevich Milutin (1856–1860)*. Moscow: Rosspen; 2004. (In Russ.)
2. Romanovskii D. I. *Caucasus and the Caucasian War*. St. Petersburg: Obshchestvennaya polza; 1860. (In Russ.)

3. Gadzhi-Ali. *Eye-witness' tales about Imam Shamil*. Makhachkala: Dagknigoizdat; 1990. (In Russ.)
4. Abdurakhman al Gazikumukha. *Memoires of Sayyid Abdurrahman*. Makhachkala; 1997. (In Russ.)
5. Orlov-Davydov A. A personal relation regarding the capture of Shamil. In: *Russkii arkhiv*. Moscow: Tipografiya V. Gracheva i Ko; 1869;(6):1045–1063. (In Russ.)
6. Volkonskii N. A. The final victory over Caucasus (1859). *Kavkazskii sbornik*. 1879;4:399–402. (In Russ.)
7. Krachkovskii I. Yu. (ed.), Barabanov A. M. (transl.) *A Chronicle by Muhammad Tahir al-Karahi regarding the wars in Daghistan at the time of Imam Shamil*. Moscow, Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR; 1941. (In Russ.)
8. Alikhanov M. *In the Daghistan mountains. Memoirs and travel accounts of the locals*. Makhachkala: Epokha; 2005. (In Russ.)
9. Abdurakhman al Gazikumukha. *A compendious version of the full description of the deeds of Imam Shamil (Kaluga 1281 A.H.)*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2002. (In Russ.)
10. Nikolai A. I. A page from the the history of the Caucasian War (1855–1859). In: *Russkaya Starina*. St. Petersburg: Tipografiya V. S. Balasheva; 1882;36:253–282. (In Russ.)
11. Zisserman A. L. *Field-Marechal Prince Aleksandr Ivanovich Baryatinsky 1815–1879*. Moscow: Universitetskaya tipografiya; 1890:2. (In Russ.)
12. Gammer M. *Imam. The Muslim opposition to the Russian Czarist Government and the Conquest of Chechnya and Daghistan*. Moscow: Kron-Press; 1998. (In Russ.)
13. Mukhanov V. M. *Prince A. I. Baryatinsky the Conqueror of Caucasia*. Moscow: Tsentrpoligraf; 2007. (In Russ.)
14. Daniel-bek. Relations between Baniel-Bey and Imam Shamil (A letter to the Editor of the news paper). *Caucasus*. 1861;8:45–46. (In Russ.)
15. Filippov V. Some information about the siege of Ghunib and the capture of Imam Shamil (after General Lazarev). *Voennyi sbornik*. 1866;49(5):126–129. (In Russ.)
16. Esadze S. S. *The siege of Ghunib and the capture of Imam Shamil. A historic sketch on the Mountain Caucasian war in Chechnya and Daghistan*. Tiflis: Voeno-istoricheskii otdel; 1909. (In Russ.)
17. Fadeev R. A. *A 60 anniversary of the Caucasian War*. Tiflis: Voeno-Pokhodnaya Tipografiya Glavnogo Shtaba Kavkazskoi Armii; 1860. (In Russ.)

Информация об авторе

Такхнаева Патимат Ибрагимовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН.

About the author

Patimat I. Takhnaeva, Cand. Sci. (Hist.), Senior Research Fellow, the Centre for the Study of Central Asia, the Caucasus and the Ural-Volga Region of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.